

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части пятой статьи 108
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с
жалобой гражданина Малиновского Ярослава Степановича

город Санкт-Петербург

25 февраля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого,
Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
Я.С.Малиновского. Основанием к рассмотрению дела явилась
обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли
Конституции Российской Федерации оспариваемое им законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью пятой статьи 108 УПК Российской Федерации принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск.

Конституционность указанного законоположения оспаривается гражданином Я.С.Малиновским (жалоба направлена в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Как следует из представленных материалов, в отношении заявителя постановлением Центрального районного суда города Красноярска от 18 мая 2023 года без его участия в судебном заседании была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Принимая решение, суд руководствовался в том числе тем, что 11 мая 2023 года Я.С.Малиновский был объявлен в федеральный (межгосударственный) розыск, причем при проведении розыскных мероприятий установлено его намерение выехать за пределы территории Российской Федерации.

Апелляционным постановлением Красноярского краевого суда от 13 июня 2023 года, принятым по жалобам защитников Я.С.Малиновского, данное постановление оставлено в силе. При этом суд апелляционной инстанции не усмотрел нарушений требования оспариваемой нормы и указал, что наличие постановления об объявлении заявителя в розыск является условием рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого при наличии к тому достаточных оснований, предусмотренных статьей 97 УПК

Российской Федерации (в частности, того факта, что Я.С.Малиновский скрылся от органов предварительного расследования).

При отказе в передаче кассационных жалоб на указанные постановления для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции было отмечено, что решение об объявлении Я.С.Малиновского в федеральный (межгосударственный) розыск принято уполномоченным на то должностным лицом, не признавалось незаконным и необоснованным в установленном законом порядке, а доводы жалоб защитников обвиняемого о нарушении порядка объявления его в межгосударственный розыск не основаны на законе (постановление судьи Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 августа 2023 года; постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2024 года).

Хотя в указанных судебных решениях содержится упоминание об объявлении заявителя в «федеральный (межгосударственный) розыск», в них отсутствует прямое указание на то, что он был объявлен именно в межгосударственный розыск, несмотря на то что отсутствие объявления в такой розыск было, как следует из соответствующих судебных постановлений, одним из аргументов апелляционных и кассационных жалоб. Также в этих судебных решениях имеются утверждения об объявлении заявителя в федеральный розыск в установленном порядке и выражен подход, согласно которому наличие постановления об объявлении обвиняемого в розыск – без уточнения, о каком именно розыске идет речь, – является условием рассмотрения судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого.

Согласно полученным Конституционным Судом Российской Федерации сведениям, 23 мая 2023 года заявитель был также объявлен в международный розыск. Однако избрание в отношении него (без его участия в судебном заседании) меры пресечения в виде заключения под стражу состоялось, как было отмечено, 18 мая 2023 года. В судебных

постановлениях, вынесенных вышестоящими судебными инстанциями, данное обстоятельство не приводилось в качестве основания сохранения в силе постановления суда об избрании указанной меры пресечения.

1.1. Я.С.Малиновский просит проверить на соответствие Конституции Российской Федерации, ее статьям 22 и 46, часть пятую статьи 108 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она содержит правовую неопределенность, позволяющую суду избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого, объявленного не только в международный и (или) межгосударственный розыск, но и в иной вид розыска.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть пятая статьи 108 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она служит основанием для принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого, объявленного в федеральный розыск.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются на основе принципа правового равенства, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; каждому гарантируется государственная защита его прав и свобод, в частности право на судебную защиту (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статьи 18 и 19; статья 45; статья 46, часть 1).

Из приведенных конституционных положений в их единстве со статьями 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав

человека, воплощает наиболее значимое социальное благо, которое предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Вместе с тем государство в силу взаимосвязанных предписаний статей 2, 17 (часть 3), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации и с учетом ее статьи 55 (часть 3) обязано принимать достаточные и эффективные меры, направленные на охрану правопорядка, выражающиеся в том числе в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, которое возможно лишь в определенных Конституцией Российской Федерации целях на основе критериев разумности и соразмерности, т.е. если эти ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей и не затрагивают при этом самого существа данного права (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 22 марта 2018 года № 12-П, от 15 марта 2023 года № 8-П и др.).

Сущностные черты заключения под стражу как ограничения права на свободу и личную неприкосновенность предопределяются непосредственно Конституцией Российской Федерации, устанавливающей, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22, часть 2), и исключаящей с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации применение указанных мер в каких-либо иных процедурах (абзац второй пункта 6 раздела второго «Заключительные и переходные положения»). По смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и

законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на какой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года № 4-П). Это, по общему правилу, предполагает возможность путем непосредственного участия в заседании суда, использования систем видео-конференц-связи или иным способом ознакомиться со всеми материалами рассматриваемого дела и довести до сведения суда свои доводы.

В то же время наделяние обвиняемого комплексом правовых гарантий судебной защиты права на свободу и личную неприкосновенность, в том числе правом представить доказательства в поддержку своей позиции по делу и привести доводы, необходимые для ее обоснования, не означает возможности реализации прав и законных интересов обвиняемого противоправными средствами. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в силу провозглашенных в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов состязательности и равноправия сторон, на основе которых осуществляется уголовное судопроизводство, стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в частности в том, что касается реализации своих процессуальных прав, полнота вытекающих из которых возможностей предопределяется личным, непосредственным и очным участием в деле (постановления от 14 июля 2011 года № 16-П, от 18 июля 2022 года № 33-П и от 11 июля 2023 года № 38-П; определения от 4 апреля 2013 года № 661-О, от 27 февраля 2024 года № 302-О, от 25 июня 2024 года № 1443-О и от 17 июля 2025 года № 1840-О).

3. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации обвиняемым признается лицо, в отношении которого: вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; вынесен обвинительный акт; составлено обвинительное постановление.

Если обвиняемый скрылся от следствия, принимаются меры по его розыску; выполняются все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого, после чего предварительное следствие приостанавливается и не допускается производство следственных действий; розыск обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением, при этом в случае обнаружения обвиняемый может быть задержан; при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК Российской Федерации, в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения (часть первая статьи 47, пункт 2 части первой, части четвертая и пятая статьи 208, пункт 2 части второй, часть третья статьи 209, части вторая, третья и четвертая статьи 210).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает право дознавателя, следователя, а также суда в пределах предоставленных им полномочий избрать обвиняемому одну из предусмотренных мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что тот: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжить заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (часть первая статьи 97). Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 данного Кодекса (часть вторая статьи 97). При решении вопроса о применении конкретной меры пресечения должны учитываться также тяжесть преступления, его совершение с применением насилия либо с угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (часть первая статьи 99).

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений определенных категорий при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение (часть первая статьи 108 УПК Российской Федерации). При этом по смыслу статьи 108 данного Кодекса сокрытие подозреваемого, обвиняемого от органов предварительного расследования или от суда является обстоятельством, которое при указанных в ней условиях может послужить основанием для избрания этой меры пресечения (подпункт «г» пункта 1 и пункт 2 части первой, пункт 3 части первой¹, части первая² и вторая).

3.1. Розыск скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда обвиняемого осуществляют органы дознания, принимая комплексные организационно-правовые и оперативно-розыскные меры, включая использование информационных систем, межведомственное, международное и (или) межгосударственное взаимодействие (сотрудничество), содержание которых в их основе не меняется в зависимости от того, реализуются они на основании поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда либо запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации (часть первая статьи 210 УПК Российской Федерации; абзац третий статьи 2, статья 6, пункты 3 и 6 части первой статьи 7, часть первая статьи 10, часть первая статьи 11 и пункт 3 статьи 14 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Данные положения законодательства Российской Федерации согласуются с Договором государств – участников Содружества

Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц (подписан в городе Москве 10 декабря 2010 года; далее также – Договор), согласно которому межгосударственный розыск лиц представляет собой комплекс оперативно-розыскных, поисковых, информационно-аналитических и иных мероприятий, направленных в том числе на обнаружение, задержание и заключение под стражу в целях выдачи или осуществления уголовного преследования лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия или суда, при этом под такими лицами понимаются те, в отношении которых имеются решения органа дознания, следствия или суда об объявлении в розыск (пункты «б», «в» статьи 1).

В развитие этих международно-правовых положений Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц (утвержден в городе Душанбе 30 октября 2015 года Советом глав правительств Содружества Независимых Государств; далее – Регламент) дополнительно подчеркивает, что лицо объявляется в межгосударственный розыск в случаях, когда меры, принятые инициатором розыска, не привели к установлению местонахождения или задержанию разыскиваемого лица и (или) имеются основания предполагать, что разыскиваемое лицо выехало или намеревалось выехать на территорию государства – участника Содружества Независимых Государств, не являющегося инициатором розыска, и (или) имеются сведения о наличии родственных и иных связей разыскиваемого на его территории (пункт 15).

Из приведенных положений следует, что объявление подозреваемого или обвиняемого в розыск на территории Российской Федерации (в частности, федеральный) в качестве меры, направленной на установление места его нахождения, не во всяком случае сопровождается объявлением такого лица в розыск межгосударственный. Однако допускается при наличии к тому оснований одновременное объявление лица соответствующими постановлениями уполномоченных органов и в

розыск на территории Российской Федерации, и в межгосударственный розыск.

3.2. Данные разновидности розыска, как и международный розыск, являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, в принципиальном плане совпадающими по своему содержанию и целям, отличаются они лишь территориальным охватом проводимых организационных, информационных, поисковых и иных мероприятий, дополнительно обуславливающим – при объявлении лица в межгосударственный или международный розыск – необходимость взаимодействия уполномоченных органов различных стран.

Соотношение различных видов розыска системно представлено в Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола (утверждена приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 года № 786/310/470/454/333/971).

Согласно пунктам 115 и 116 названной Инструкции обязательным условием объявления и осуществления международного розыска лица является его объявление в федеральный розыск на территории России. Международный розыск лица объявляется после либо одновременно с объявлением федерального розыска. При наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого лица из Российской Федерации международный розыск объявляется незамедлительно, одновременно с объявлением федерального розыска. Международный розыск лиц не подменяет собой межгосударственный розыск в пределах государств – участников СНГ и может осуществляться параллельно с ним. При этом обязательным условием является предварительное или одновременное объявление межгосударственного розыска.

Между тем, как показало изучение правоприменительной практики, в судебных постановлениях по вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лица, объявленного в розыск, наряду с указанием на объявление его в межгосударственный розыск либо в

федеральный и межгосударственный розыск встречается также сочетание «федеральный (межгосударственный) розыск» (как это имело место и в деле заявителя). Употребление такого сочетания находит определенное объяснение в апелляционном постановлении Московского городского суда от 2 марта 2020 года по делу № 10-4717/2020, где указывается, что гражданин был объявлен в федеральный розыск, который в соответствии с конкретным пунктом ведомственного нормативного акта для служебного пользования одновременно является межгосударственным розыском.

Такой подход основан, как можно предположить, на пояснении к пункту 13 Инструкции о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц (утверждена 6 сентября 2007 года на заседании Совета министров внутренних дел Содружества Независимых Государств), которое оформлено в виде сноски к соответствующему пункту и согласно которому «для органов внутренних дел Российской Федерации отдельного объявления разыскиваемых лиц в межгосударственный розыск не требуется, т.к. данная процедура осуществляется при существующей системе объявления федерального розыска и не подменяет собой международный розыск». В то же время в Регламенте, регулирующем в настоящее время тот же вопрос, подобной оговорки не сделано, притом что его пункт 15 в остальном практически дословно воспроизводит содержание пункта 13 названной Инструкции.

Таким образом, с одной стороны, действующее правовое регулирование разделяет федеральный и межгосударственный розыск как два различных (применяемых наряду с международным) вида розыска, а с другой стороны, в правоприменительной практике нередко проявляется восприятие объявления в федеральный розыск как одновременное объявление и в розыск межгосударственный.

3.3. Указание на межгосударственный розыск было включено в часть пятую статьи 108 УПК Российской Федерации Федеральным законом от 6 марта 2019 года № 21-ФЗ. В первоначальной же редакции

данное законоположение называло – в качестве условия принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого – только объявление лица в международный розыск, одним из необходимых условий осуществления которого является, в свою очередь, наличие такого судебного решения.

Из этого исходит и Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, согласно пункту 123 которой решение об объявлении лица в международный розыск оформляется постановлением об этом. Такое постановление выносится сотрудником розыскного подразделения, утверждается начальником или заместителем начальника этого подразделения, согласовывается с начальником соответствующего органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и заверяется печатью. Один экземпляр постановления должен быть вручен следователю или прокурору для обращения в суд в порядке части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации с целью получения судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого. Если судьей будет принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании обвиняемому, в отношении которого вынесено постановление об объявлении в международный розыск, меры пресечения в виде заключения под стражу, то это постановление аннулируется и в дальнейшем возможно лишь проведение проверки по учетам Генерального секретариата и национальным учетам иностранных государств – членов Интерпола в порядке, установленном главой III данной Инструкции.

Напротив, с учетом положений Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц и Регламента для объявления лица в межгосударственный розыск принятия решения о заключении его под стражу не требуется.

Следовательно, часть пятая статьи 108 УПК Российской Федерации в действующей редакции, буквально указывающей только на

международный и межгосударственный розыск, предусматривает возможность принятия судом решения о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу в его отсутствие в двух различных ситуациях: в случае международного розыска такое решение является обязательным, тогда как для розыска межгосударственного, напротив, обязательность такого решения не устанавливается. Для дополнения федерального розыска розыском межгосударственным от компетентных органов требуется лишь направление соответствующего постановления посредством системы информационного обмена (пункты 18–20 Регламента), а не обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения.

Данное обстоятельство, однако, не обесмысливает законодательного указания на возможность заочного принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения лица под стражу в случае межгосударственного розыска, так как наличие такого судебного решения может иметь значение для обеспечения условий его задержания и выдачи Российской Федерации, в том числе с учетом законодательства страны – участницы поименованного ранее Договора, где разыскиваемое лицо обнаружено. Кроме того, согласно Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в городе Кишиневе 7 октября 2002 года; далее – Конвенция) к запросу о выдаче для привлечения к уголовной ответственности должны быть приложены заверенные копии постановлений о заключении под стражу и привлечении в качестве обвиняемого (пункт 2 статьи 67), к поручению об осуществлении розыска прилагается, в частности, заверенная копия решения компетентного учреждения юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны о заключении разыскиваемого лица под стражу (пункт 3 статьи 69).

4. Конституция Российской Федерации, допуская заключение под стражу только по судебному решению, не содержит прямого указания на необходимость принятия такого решения исключительно с участием подозреваемого или обвиняемого. Более того, она не исключает и заочного разбирательства уголовных дел в случаях, предусмотренных федеральным

законом (статья 123, часть 2). Эта возможность конкретизирована в части пятой статьи 247 УПК Российской Федерации, согласно которой в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также о некоторых перечисленных преступлениях небольшой или средней тяжести может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. При этом частями шестой и седьмой той же статьи предусмотрены дополнительные гарантии прав подсудимых, связанные с заочным разбирательством.

Однако, исходя из совокупности конституционных предписаний и прежде всего статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации о состязательности и равноправии сторон, определяемый федеральным законодателем порядок судопроизводства призван обеспечивать его сторонам возможность участия в судебном разбирательстве, включая такую гарантию реальной судебной защиты, как возможность в устной форме довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, представить доказательства в ее обоснование и принять участие в их исследовании в открытом судебном заседании при разрешении дела для установления его фактических обстоятельств и правильного применения законодательства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2015 года № 27-П). В частности, в условиях очного судебного разбирательства обвиняемый может в полной мере осуществить принадлежащие ему процессуальные права и реализовать имеющиеся у него возможности защиты своих интересов, а потому именно в этих условиях достигается полнота и эффективность судебной процедуры. В то же время право на очное участие лица в рассмотрении судом вопроса о его правах и обязанностях может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях, притом что соответствующие судебные процедуры в целом обеспечивают соблюдение конституционных требований

справедливого судопроизводства и реализацию задач уголовного права и процесса, включая защиту прав потерпевших от преступных посягательств и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения ее прав и свобод (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 года № 1002-О и др.).

4.1. Статья 108 УПК Российской Федерации в качестве общего правила устанавливает разрешение судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе судебного заседания, проводимого с участием подозреваемого или обвиняемого, его защитника в случае участия такового в уголовном деле (части первая и четвертая). Однако при этом данный Кодекс предусматривает ряд случаев, в которых допускается принятие решения о заключении под стражу без участия обвиняемого. Это касается как оспариваемой части пятой его статьи 108, так и ряда других его положений.

Так, избрание данной меры пресечения допускается в отношении не содержащегося под стражей обвиняемого, который скрылся от суда (часть вторая статьи 238 УПК Российской Федерации). Продление срока содержания под стражей допускается в отношении обвиняемого, находящегося на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, и при иных обстоятельствах, исключающих возможность его доставления в суд, что должно быть подтверждено соответствующими документами (часть тринадцатая статьи 109 УПК Российской Федерации). В уголовно-процессуальной доктрине и судебной практике также признается возможность избрать данную меру пресечения при рассмотрении уголовного дела в суде вышестоящей инстанции, когда осужденный, должным образом извещенный о дате, времени и месте судебного заседания, отказался от участия в заседании суда, который избирает эту меру пресечения (подпункт «г» пункта 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Применительно же к части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что, допуская рассмотрение судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого при невозможности обеспечить его участие в судебном заседании в случае объявления его в международный розыск, закон не предусматривает возможность ограничения при этом и других прав данного участника судопроизводства. Соответственно, указанная норма не может толковаться как допускающая умаление гарантий прав обвиняемого при принятии судом решения о применении данной меры пресечения в случае, если обвиняемый скрылся от следствия и суда либо место его нахождения не установлено по иным причинам, в связи с чем в его отношении объявлен международный розыск (определения от 18 января 2005 года № 26-О, от 24 сентября 2012 года № 1815-О, от 19 декабря 2017 года № 2812-О, от 27 сентября 2018 года № 2068-О и др.).

Хотя указанная правовая позиция сформирована применительно к той редакции оспариваемой нормы, которая изначально включала указание только на разрешение судом вопроса о мере пресечения в отсутствие обвиняемого при объявлении его в международный розыск, она, по существу, является универсальной. Ее содержание в целом применимо к избранию такой меры пресечения при розыске любого вида. Кроме того, нельзя не учитывать, что в процедуре объявления в международный розыск судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу предшествует переходу процедуры розыска в сферу действия международных (связанных с функционированием институтов Интерпола) механизмов и принимается оно исключительно во внутреннем правовом поле страны по общим, т.е. применимым и к случаям нахождения в розыске иных видов, основаниям и обстоятельствам, подлежащим учету судом. В свою очередь, как уже отмечалось, для объявления в соответствующий розыск нет принципиальных различий между межгосударственным и федеральным

розыском с точки зрения достаточности компетенции российских государственных органов.

Таким образом, объявление лица в розыск именно определенного вида не выступает само по себе юридической гарантией прав обвиняемого при решении вопроса о возможности избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу без его участия. При таких обстоятельствах проверка конституционности оспариваемого регулирования, в том числе при его применении на практике без дифференциации федерального и межгосударственного розыска, требует оценки соразмерности данного ограничения конституционно значимым целям (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), что предполагает учет гарантий, компенсирующих отступление – в связи с розыском обвиняемого – от общего правила о личном его участии в решении вопроса об избрании меры пресечения.

4.2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на недопустимость такого противоречащего основам российской правовой системы использования защиты закона и суда, которое осуществлялось бы вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом в случае, если притязания лица на применение в его отношении юридических средств защиты, предоставленных действующим правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях (постановления от 10 марта 2022 года № 10-П, от 30 октября 2023 года № 50-П, от 31 октября 2024 года № 49-П и др.).

Соккрытие обвиняемого от следствия и суда препятствует производству по уголовному делу, оставляет вопрос обвинения нерешенным, ограничивает право потерпевших от преступления на доступ к правосудию, судебную защиту их прав в разумный срок и на возмещение причиненного вреда, чем посягает на конституционные ценности, в целях обеспечения и защиты которых допускается ограничение прав и свобод. Нарушение процессуальных обязанностей и уклонение от правосудия не может

считаться правомерным поведением, способом реализации права на свободу и личную неприкосновенность (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 года № 1840-О).

Скрывшемуся обвиняемому не должны создаваться неоправданные преимущества, ставящие его в привилегированное положение в сравнении с обвиняемыми, соблюдающими уголовно-процессуальные обязанности и не препятствующими производству по уголовному делу. Иное поощряет уклонение обвиняемых от контактов с органами предварительного расследования и судом, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, ограничивает государство в реализации его конституционной обязанности по защите прав и свобод граждан, подрывает доверие к праву, государству и правосудию.

Сам факт избрания скрывшемуся обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу в значительной степени является следствием этого его противоправного поведения, которое будет прекращено или пресечено лишь после его, соответственно, добровольной явки или задержания на законных основаниях при обнаружении, а потому служит средством воспрепятствования дальнейшему его сокрытию от правосудия, обеспечения его передачи органу дознания, следователю или суду, в производстве которых находится уголовное дело (инициатору розыска), выступает необходимой обеспечительной мерой установленного порядка производства по уголовному делу с участием обвиняемого. Отказ же от избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения лишь ввиду отсутствия скрывшегося обвиняемого ставит саму возможность разрешения судом данного вопроса в зависимость от его противоправного поведения, которое одновременно формирует одно из оснований для избрания этой меры пресечения, но при этом делает фактически невозможным разрешение судом данного вопроса.

Соответственно, предусмотренная частью пятой статьи 108 УПК Российской Федерации возможность разрешения судом вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу без участия скрывшегося

обвиняемого при объявлении его в розыск (международный, межгосударственный, федеральный) согласуется с целями, указанными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Являясь оправданной реакцией на презюмируемое нарушение процессуальных обязанностей и уклонение от правосудия, принятие без участия обвиняемого, находящегося в розыске, постановления о заключении его под стражу также позволяет, в частности, минимизировать риски того, что разыскиваемый обвиняемый, в отношении которого не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, воспользуется истечением 48-часового срока задержания, допустимого без судебного решения, и повторно скроется, если суд за это время не изберет меру пресечения или не продлит срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 УПК Российской Федерации.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что при получении сведений о пребывании обвиняемого, находящегося в розыске, в иностранном государстве наличие судебного решения о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу может создавать условия для оперативного задействования каналов международного сотрудничества правоохранительных органов. Так, например, как следует из пункта 1 статьи 70 Конвенции, для взятия под стражу лица, выдача которого запрашивается, до получения запроса о выдаче в соответствующем ходатайстве должна содержаться ссылка на решение компетентного учреждения юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны о заключении под стражу (что применительно к России означает наличие соответствующего судебного постановления) или на приговор, вступивший в законную силу, причем из соотношения содержания пунктов 1 и 2 данной статьи следует, что условия применения пункта 1 не увязываются с объявлением лица в международный (межгосударственный) розыск.

5. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 мая 1995 года № 4-П, вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу всегда

затрагивает право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено это решение: не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, воздействуют на неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывают давление на сознание и поступки человека. В то же время как исполненные, так и реально не исполненные постановления о заключении под стражу могут быть незаконными и необоснованными. Гарантией от таких произвольных ограничений свободы и личной неприкосновенности является как принятие постановления о заключении под стражу именно судом, так и право потребовать проверки оснований для вынесения решения о заключении под стражу в вышестоящих судебных инстанциях.

Исходя из единой природы судебной защиты при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также из одинакового значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при ограничении свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия призван обеспечить законное, обоснованное и справедливое решение по этому вопросу вне зависимости от того, объявлен ли обвиняемый в розыск (международный, межгосударственный или федеральный) или же он не скрывается от правосудия. Допуская рассмотрение судом ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в отсутствие обвиняемого при невозможности обеспечить его участие в судебном заседании, закон не предполагает принятия судом решения по указанному вопросу без исследования доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения такой меры процессуального принуждения, и не исключает права обвиняемого оспорить судебное решение о ее избрании (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 года № 1815-О, от 19 декабря 2017 года № 2812-О, от 27 сентября 2018 года № 2068-О и др.).

Поскольку в основу решения об избрании указанной меры пресечения не могут быть положены данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в постановлении должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принял его. Это позволяет аргументированно оспорить такое судебное решение как обвиняемому, так и действующему в его интересе и по его поручению или с его согласия защитнику (адвокату), довести до сведения суда как непосредственно в судебном заседании, так и в жалобе позицию стороны защиты относительно незаконности и необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, представить суду доказательства в ее обоснование, конкретизированно высказать мнение относительно позиции стороны обвинения, привести контрдоводы, в том числе опровергающие сокрытие обвиняемого от правосудия, послужившее предпосылкой для разрешения судом вопроса о мере пресечения в его отсутствие.

5.1. При рассмотрении судами первой и апелляционной инстанций вопросов об избрании заключения под стражу и о продлении срока действия этой меры пресечения в отсутствие подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании обязательно участие защитника (абзац седьмой пункта 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»). Его участие может быть обеспечено как непосредственно самим подозреваемым или обвиняемым (его законным представителем, другими лицами), так и дознавателем, следователем и судом в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК Российской Федерации.

Обвиняемый, в отношении которого принято судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, не ограничен в возможности как лично, так и с помощью адвоката получить и ознакомиться с решением суда, что не противоречит праву на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января

2017 года № 113-О, от 28 сентября 2017 года № 2117-О, № 2239-О и от 30 ноября 2023 года № 3250-О).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что, направляя жалобу, такой участник уголовного процесса, как защитник, в этом качестве преследует интересы доверителя, а не свои личные интересы, т.е. обеспечивает реализацию предусмотренного законом права защищаемого лица на обращение в суд соответствующей инстанции, которое, как правило, обусловлено волеизъявлением самого этого лица (Постановление от 25 марта 2014 года № 8-П; определения от 25 сентября 2014 года № 1925-О, от 23 июня 2015 года № 1323-О, от 20 декабря 2016 года № 2764-О, от 18 июля 2017 года № 1478-О, от 27 февраля 2018 года № 295-О, от 26 марта 2019 года № 607-О, от 28 сентября 2021 года № 2036-О и др.), а также его позицией как доверителя (подпункт 3 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Осведомленность об этом (позиции или воле доверителя) может презюмироваться, когда речь идет об адвокате, действующем на основании соглашения.

5.2. В то же время участие защитника в судебном заседании об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не отменяет значимости личного и очного доведения обвиняемым до сведения суда своей позиции по данному вопросу. Лицу – вне зависимости от его уголовно-процессуального статуса (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) – во всяком случае должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою точку зрения относительно столь важного для его судьбы вопроса, как пребывание под стражей (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 132-О, от 29 сентября 2015 года № 2073-О и от 26 апреля 2021 года № 818-О).

Как отмечалось, само по себе принятие решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу безотносительно к его фактической реализации является правоограничительным фактором. Однако именно с момента фактического задержания обвиняемого в полном объеме

проявляется ограничение его свободы. Поэтому, не исключая разрешения вопроса о заключении под стражу в отсутствие объявленного в розыск обвиняемого – поскольку, скрываясь от следствия и суда, обвиняемый не только препятствует достижению задач правосудия, противопоставляет себя действующему правопорядку, но и сознательно ограничивает свои права, отказывается от реализации возможностей, гарантированных законом в условиях очного судебного разбирательства (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 года № 1840-О), – данная правовая позиция тем не менее предполагает, что, когда сформировались условия для того, чтобы обвиняемый лично и очно предстал перед судом (как правило, когда он задержан и помещен под стражу), такая возможность ему должна быть предоставлена.

Тем более что защитники – в ситуациях их участия в деле по назначению и отсутствия какого-либо контакта с разыскиваемым обвиняемым, в отношении которого разрешается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, – могут объективно не обладать имеющими существенное значение для решения этого вопроса сведениями, доступными на момент проведения заседания лишь не участвующему в нем обвиняемому. В частности, возражая против заключения под стражу, обвиняемый может представить доказательства того, что его недоступность для органов предварительного расследования была обусловлена другими причинами, нежели сокрытие от них. Прежде всего именно вероятность наличия таких обстоятельств не позволяет безусловно рассматривать как поощрение злоупотребления правом со стороны обвиняемого и получение последним преимуществ вследствие своего недобросовестного поведения – на недопустимость чего указано в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 года № 1840-О – предоставление, по крайней мере в рамках имеющихся уголовно-процессуальных институтов, возможности лично и очно представить суду свою позицию в отношении избранной меры пресечения.

Рассмотрение вопроса о мере пресечения в отсутствие лица, в отношении которого решается указанный вопрос, не препятствует обжалованию этим лицом соответствующего судебного решения (абзац восьмой пункта 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»). При этом общее правило, согласно которому постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения (часть одиннадцатая статьи 108 УПК Российской Федерации), должно применяться исходя из особенностей состоявшегося рассмотрения вопроса о применении меры пресечения в отсутствие объявленного в розыск обвиняемого, т.е. с учетом того, когда последнему стало известно о принятом судом решении об избрании в отношении него этой меры. Во всяком случае, данное обстоятельство подлежит учету при решении вопроса о восстановлении срока на апелляционное обжалование в соответствии со статьей 389⁵ УПК Российской Федерации.

По смыслу же статьи 389³⁶ УПК Российской Федерации, если апелляционная жалоба на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу была ранее подана адвокатом, не находящимся в контакте с разыскиваемым лицом (что в рассматриваемой ситуации можно предположить применительно к адвокату по назначению), это не препятствует самому обвиняемому подать апелляционную жалобу вместе с ходатайством о восстановлении срока на апелляционное обжалование.

5.3. Хотя на этапе после вынесения постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, которое подлежит немедленному исполнению (часть восьмая статьи 108 УПК Российской Федерации), повторно оценить наличие оснований для ее применения в наибольшей степени позволяет именно апелляционное обжалование, имеются и иные уголовно-процессуальные институты, обеспечивающие обвиняемому, в

отношении которого данная мера избрана заочно, возможность представить свою позицию по поводу избранной меры пресечения после того, как он будет задержан и помещен под стражу.

Так, обвиняемый и его защитник вправе заявить ходатайство об отмене меры пресечения или замене ее на более мягкую (статья 110 УПК Российской Федерации). При этом в основание такого ходатайства, помимо обстоятельств, которые возникли после избрания этой меры, могут быть положены и те доводы, которые в силу отсутствия обвиняемого не могли быть заявлены при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случае, когда суд не усмотрел оснований для восстановления срока на апелляционное обжалование соответствующего постановления.

В том же – судебном – порядке, что и вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, решается вопрос о ее продлении (часть восьмая статьи 109 УПК Российской Федерации). Установленные данным Кодексом гарантии недопустимости избыточного, не ограниченного по продолжительности содержания под стражей предусматривают действие данной меры на определенный срок и периодическое рассмотрение судом вопроса о ее продлении.

Продление же срока содержания под стражей возможно лишь при сохранении указанных в статье 97 УПК Российской Федерации достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (часть первая). Это предполагает необходимость исследования судом при решении данного вопроса фактических и правовых оснований для продления данной меры пресечения, с тем чтобы вопрос о содержании под стражей не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке

существенных для таких решений обстоятельств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П, от 22 марта 2005 года № 4-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1998 года № 167-О, от 12 ноября 2008 года № 1075-О-О, от 20 ноября 2014 года № 2542-О, от 24 апреля 2018 года № 876-О, от 30 мая 2023 года № 1038-О и др.). Соответственно, обвиняемому, который не участвовал в судебном заседании о первичном избрании данной меры пресечения, предоставляется возможность лично и очно довести до сведения суда непосредственно в судебном заседании о ее продлении, в частности, все те доводы, которые он мог бы заявить против ее избрания.

При этом, реализуя свою дискрецию по установлению срока, на который избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, в пределах двух месяцев (часть первая статьи 109 УПК Российской Федерации) и принимая во внимание правила о зачете в срок содержания под стражей определенных периодов (часть десятая той же статьи), суд имеет разумные основания к определению этого срока таким образом, чтобы вопрос о его продлении рассматривался вскоре после водворения обвиняемого в место содержания под стражей.

Тем самым в рамках существующих уголовно-процессуальных институтов обеспечивается надлежащий баланс достаточных и эффективных мер, направленных на охрану правопорядка и решение задач уголовного судопроизводства, с одной стороны, и гарантий прав обвиняемого на личное и очное – в случае фактического помещения под стражу – доведение до суда своей позиции по вопросу о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, с другой стороны.

6. Не усматривается в применении части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, объявленного в федеральный розыск, – безотносительно к тому, был ли он также объявлен в международный или межгосударственный розыск, – нарушения

конституционного принципа равенства перед законом и судом (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

В силу указанного принципа однородные по своей природе отношения должны регулироваться схожим образом (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.). Как уже отмечено, объявление лица в розыск именно определенного вида не выступает само по себе юридической гарантией прав обвиняемого при решении без его участия вопроса о возможности избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу. Поэтому признаки отступления от принципа правового равенства скорее будут усматриваться, если (в зависимости от того, в какой вид розыска – международный, межгосударственный или федеральный – объявлен обвиняемый) по-разному будет решаться вопрос о возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в его отсутствие, притом что не ставится под сомнение идентичность целей розыска, правового положения разыскиваемого лица как обвиняемого в преступлении, а также презюмируемое наличие одного из оснований принятия решения судом о применении данной меры пресечения, а именно сокрытие обвиняемого от правосудия.

Объявление же лица в международный или межгосударственный розыск в отсутствие для этого оснований, связанных с предполагаемым нахождением обвиняемого за пределами Российской Федерации, лишь для создания формальной возможности применения части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации имело бы искусственный характер и при определенных обстоятельствах подрывало бы доверие к российской правовой и судебной системам, в том числе за пределами страны.

Федеральный законодатель при этом не лишен возможности внести с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, изменения в действующее правовое регулирование, направленные как на уточнение содержания части пятой статьи 108 УПК Российской Федерации, так и на

конкретизацию гарантий доведения обвиняемым, решение об избрании в отношении которого меры пресечения в виде заключения под стражу было принято в его отсутствие в связи с его объявлением в розыск, до сведения суда своей позиции относительно оснований для содержания его под стражей, в том числе – в случае фактического помещения под стражу – личного и очного.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть пятую статьи 108 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку ее применение при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу при наличии установленных уголовно-процессуальным законом оснований для этого в отношении обвиняемого, объявленного в федеральный розыск, – безотносительно к тому, был ли он также объявлен в международный или межгосударственный розыск, – не влечет нарушения его конституционных прав в системе действующего правового регулирования, предусматривающего гарантии доведения, в том числе – в случае фактического помещения под стражу – личного и очного, обвиняемым до сведения суда своей позиции относительно наличия оснований для применения данной меры пресечения.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 9-П

Конституционный Суд
Российской Федерации